Мы не герои

Лагарс в ТЮЗе *смотрела* Кася Попова

ЕЛЕНА ЕЛИСЕЕВА

ПЫТАТЬСЯ НАЙТИ какой-то смысл в спектакле «Мы, герои» по пьесе Лагарса — бессмысленно, — остается удовольствоваться только библейским «все суета сует и всяческая суета». После посещения театра надолго остается «послевкусие»: зритель выходит в мир, который кажется ему столь же странным, насколько ненормальны правила, по которым существуют персонажи Лагарса.

«Мы, герои» поставил в Екатеринбургском ТЮЗе Франсуа Рансийяк, один из ведущих режиссеров Франции. Это первая постановка этой пьесы Лагарса на профессиональной сцене России. Одного из самых репертуарных, культовых французских авторов в Екатеринбурге уже видели — на прошлом фестивале «Реальный театр» Нелли Уварова показывала моноспектакль «Правила поведения». В 2007-м, объявленном во Франции годом Лагарса, его пьесу «Я была в доме...» поставила в Челябинской драме французский режиссер Кристин Жоли.

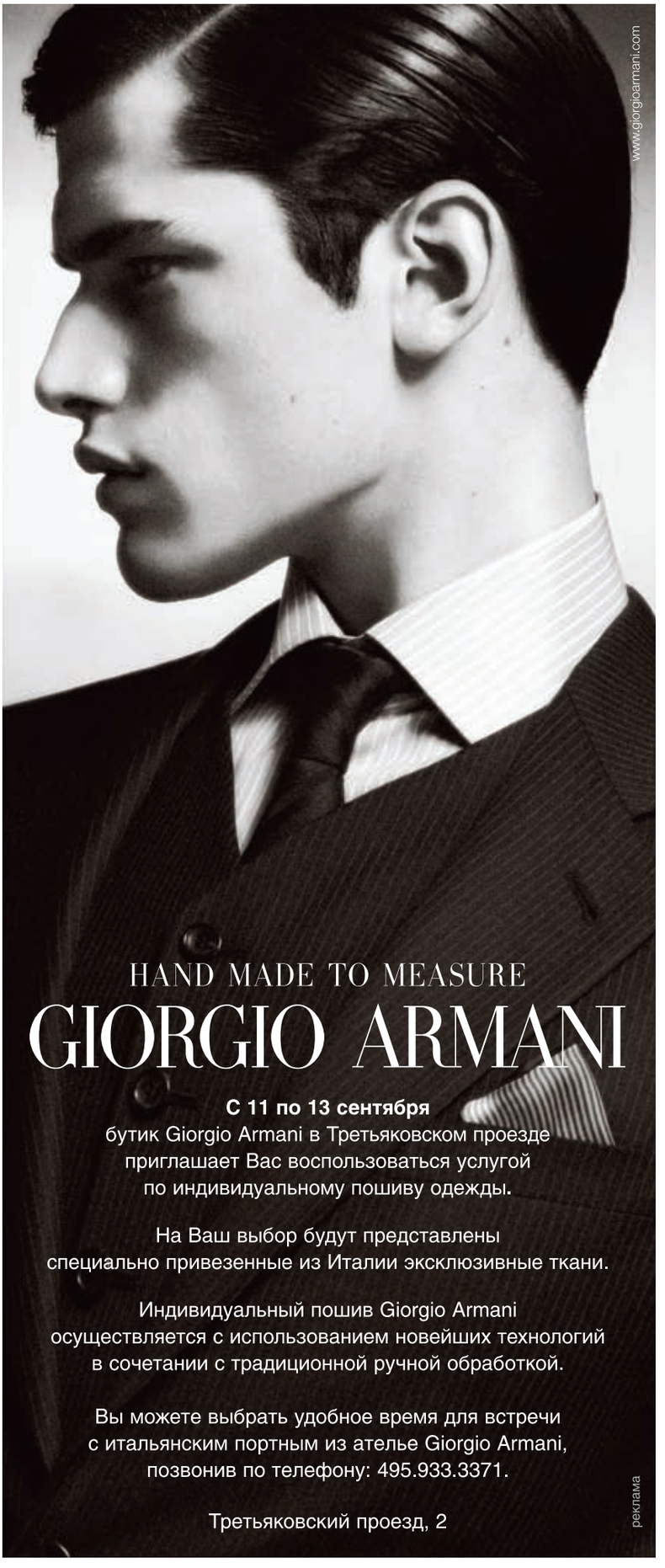
«Мы, герои» — сборище убогой труппы в закулисье, где не происходит никаких событий — одни разговоры, из которых ровным счетом ничего не следует. Персонажи срываются в ссору, собираются чуть ли не драться — но нет, конфликт сменяется очередным разговором. Понятно, что от чередования сплошных завязок без развязок зрителя не покидает впечатление недосказанности, недоделанности. Ближайшей аналогией может быть «белый шум» — дыхание радиоэфира, через который проплывают обрывки слов и мелодий, и нелогичность самой жизни: «Бытие бессобытийно», по определению Цветаевой. Ведущий критик Франции Жан-Пьер Тибода справедливо отмечал: «В пьесах Лагарса не происходит ничего».

Режиссер заставляет зрителя напряженно вслушиваться в диалоги в тщетной попытке отыскать хотя бы намек на логику. Персонажи — семейка актеров-неудачников, которые, как на подбор, «хорошие люди, но не умеют поставить себя на правильную ногу». Они откровенны, ничего не пытаются утаить, но смысл ускользает, погружая зрителя в пучину экзистенциальной неуверенности.

Это странное ощущение «послевкусием» сохраняется и после спектакля. После трех часов существования в ненормальном мире удивляют самые простые вещи, сочетания причин и следствий — проехавший трамвай и стук трамвайных колес, работающий фонарь и тень листвы на асфальте.

Странный антураж мира Лагарса создала постановочная группа из Франции. Сценограф Раймон Сарти выстроил коробку на большой сцене ТЮЗа, и зрителя усадили внутри декорации — потертых и грязных задников с таинственными надписями вроде упомянутых Булгаковым «Г лев. зад.». Поначалу, оказавшись в недрах закулисья, не отделенный от сцены привычной невидимой «четвертой стеной», зритель чувствует себя невидимкой. Заблуждение рассеивают персонажи-неудачники, которые включают публику в абсурдистский хоровод спектакля.

Зыбкую атмосферу неуверенности подпитывают странный свет и странный звук, возникающие, когда артисты говорят из зрительного зала, из-за декорации. Художник по свету Мари-Кристин Сома перекраивает географию сценического пространства, как хочет. Она то сжимает ее до метрового кружка, то расширяет за пределы декораций и, как кажется, за пределы театрального здания.

Зрителю, ввиду отсутствия выбора впитавшему традиции русского психологического театра едва ли не с молоком матери, чудно окунуться в театр абсурда. На Западе этот жанр успел зародиться, расцвести и подвянуть, в то время как на одной шестой части суши более полувека догматом существовала лишь одна театральная система — Станиславского, которая была «всесильна, потому что верна». Эта очаровательная логика загнала российский театр в культурологическую яму, глубина которой отчасти и постигается на спектакле, поставленном современным европейским режиссером на современном же материале.

ТЮЗ / в этом сезоне